

ДУЭТ ДЛЯ ГОЛОСА С ДИРИЖЕРОМ

Мариинский театр. 1998. № 5-6. С. 6

Скромное обаяние полуконцертного исполнения «Травиаты» с Анной Нетребко в главной роли оказалось куда более сильным театральным впечатлением, чем многие «полноценные» спектакли с тем же названием. Виновников здесь несколько. Один из них – Алексей Степанюк, с большим тактом создавший на пустой сцене, только с помощью актерских взаимоотношений да простейшей композиции из нескольких кресел соответствующую атмосферу полуспектакля.

Но главные виновники удачи – Анна Нетребко и дирижер Джанандреа Нозеда. Их двухчасовой «любовный дуэт» прекрасных музыкантов был куда нежнее сценического дуэта Альфреда с Виолеттой. Сразу хочу оговорить, что оценивать выступление Евгения Страшко не имеет смысла, ибо этот не лишённый вокальных достоинств молодой солист просто озвучил формально партию Альфреда, не претендуя ни на малейшее взаимодействие со своей великолепной партнершей. Нетребко и Нозеда, напротив, понимали друг друга менее чем с полуслова и взаимодействовали замечательно.

Анна шла к «Травиате» давно, начав путь прямо с целого спектакля в театре при консерватории. Ее Виолетту тогда приняли на «ура», но вскоре, попав в Мариинский и давая одно из первых интервью, молодая певица называла в ряду ближайших планов многие партии, только не эту. «Нет, – говорила она, – Виолетту петь рано, только через несколько лет». Однако в концертах исполняла сцену с Жермоном и подспудно, видимо, к роли готовилась. Предложение сделать партию заново с итальянским дирижером пришло вовремя. И голос Нетребко, и она сама как актерская личность сложились и окрепли. Вокалистка помудрела: очень разумно распределяет интенсивность голосовых и эмоциональных затрат. Умело формирует звук – или невесомо нежный, или плотный и тягучий. Иногда еще в голосе не хватает открытого драматизма, в частности, в сцене прощания с Альфредом во втором акте. Хотя какой уж драматизм, когда партнер нервно листает клавиры...

Виолетта у Анны Нетребко – практически го-

товая роль. Здесь она уже не прелестная девочка, как в прежних ролях, а зрелая пленительная женщина, победительная в своей красоте и чуть презрительным взглядом, властная в чувственности. Достучаться до ее сердца нелегко, никакой растерянности и трепета вдруг возникшего чувства в сцене с Альфредом и в начале большой арии нет и в помине. Ее Виолетта умна и вовсе не так легко ранима, как обычно трактуется. Только в самом конце виртуозной части арии она вдруг дает себе волю и с безумством внезапно вспыхнувшей решимости и, похоже, с всепониманием летит в огонь любви. Любопытно и ценно, что все эти краски рождаются без искусственного сгущения звука и без малейшей форсировки. Напротив, звук прозрачен и чист, пианиссимо подчас тончайшее. Нежная сила и сдержанность.

Интересно развиваются взаимоотношения Виолетты – Нетребко и Жермона – Герелло. Пожалуй, впервые я наблюдала в этой сцене двух противников, совершенно убежденных каждый в своем праве. Эта Виолетта – не беззащитное хрупкое существо, которое можно достаточно скоро сломать. Она борется долго и вовсе не обреченно. Но в голосе Герелло такие довольство и напор, что противостоять им бесполезно. Слом Виолетты сказывается в какой-то усталости звучания и облика. Голос здесь безжизненно плосковат («Дочери вашей вы передайте...»), и художественный эффект этого приема очень силен!

Но дальше Нетребко немного не хватает певческого драматизма и обнаженности чувств, тогда как у Герелло и звука, и напора хоть отбавляй, и сцену уводит в более декоративный концертный план.

Да и оркестр Нозеды здесь больше соответствует полнокровной плотности голоса Жермона, нежели инструментальной нежности звучания Виолетты.

Вообще-то, хотя тот вечер и не был для Герелло лучшим в смысле вокального самочувствия, партия Жермона – одна из тех, что сполна демонстрируют великолепные певческие возможности артиста и хорошо ложатся на его актерскую индивидуальность. И ансамбль с молодым дирижером Герелло удался.

К сожалению, очень неинтересно звучал хор в начале третьего действия: в концертном варианте этот номер программы выглядел как досадное отбывание повинности. Я не первый раз обращаю внимание на качество звучания хора, особенно его женской группы. Даже на фоне блистательных подчас выступлений коллектива его довольно частые «проколы» внушают некоторую тревогу.

Необычно стремительный темп берет Нозеда в следующем эпизоде – события словно несутся к катастрофе. Тревога назревающего взрыва заставляет исполнителей произносить свои фразы быстро. Досадно, что с таким напором они не совсем справляются, – пение превращается в говор.

Знаменитое соло Виолетты Нетребко начинается потусторонним *riano*, постепенно наполняя звук силой и сдерживаемой болью. Вместо традиционного черного платья – белое одеяние с ожерельем, словно кольчугой закрывающее всю грудь. Окаменевший сфинкс с глазами, полными муки. (Понятно, что костюмы – просто концертные одежды, но артистка и режиссер явно продумали драматургию цвета и силуэта.)

И снова о дирижере. Он не демонстрирует свою музыкантскую личность, не педалирует собственную концепцию. Скорее, «умирает в певцах». Но индивидуальность этого дирижера нельзя не заметить. Временами знакомая до оскомины музыка звучит у него незнакомо, возникают паузы и акценты, перефразирующие давно известное. Он находит свою интонацию и к финальной картине – хрупкую, прозрачную, но не болезненную, а наполненную жадой жизни. Это создает интересный контрапункт с тем, как ведет последнюю сцену Нетребко. Без претензий на высокопарность она играет смерть героини философски просто. Чтение письма и затем короткое «поздно» – в актерском плане высший класс. Начало арии почти бесстрастно, со спокойствием смертницы, и только последняя верхняя нота – крик сердца. Абсолютное оцепенение на фоне карнавалного хора. А выход из этого оцепенения и осознание возвращения Альфреда – снова замечательный актерский эпизод. И это не просто хорошая актерская игра. Нетребко замечательно слушает музыку, а дирижер замечательно ей ее подает. Весь финал концертного спектакля – это тот самый «любовный дуэт» певицы и маэстро, о котором говорено было в начале. Здесь сценический партнер, к сожалению, ей только мешал, но и это не уничтожило ощущения того самого высочайшего катарсиса, за которым миллионы людей идут в оперный театр. В последнем великолепно выстроенном ансамбле-реквиеме голос Нетребко звучал уже словно из другого мира, куда Виолетта уходила стоя, бесконечно одинокая, давно отрешенная от мира...

Банально было бы говорить, как интересно теперь увидеть и услышать Анну Нетребко в полноценном спектакле. Да я, честно говоря, и боюсь этого: как трудно не разрушить ту атмосферу сценических полуднамов, которые оставляют простор для работы зрительского воображения! Но то будет другой спектакль, другая Нетребко – ибо, я уверена, эта актриса готовит нам еще много сюрпризов. А всякое «другое» в театре всегда интересно.

Нора ПОТАПОВА

598

Нозеда Джанандреа